

Глава первая

«Славный городок, но совсем уж пустынный», — подумала Лина Теобальдо, впервые увидев Гиллам. Окажись она в таком городке на каникулах, два дня бы радовалась, а на третий — засобиралась бы домой. Здесь все казалось игрушечным: яблони и клены, веранды и гонтовые крыши, кукурузные поля и молочные фермы, ребятишки, которые играли в стикбол прямо на улице, будто у их домов не было лужаек в пол-акра. Потом Лина поняла, что дети играют в игры, которым их научили родители. Стикбол. Классики. «Пни банку». Отцы учили сыновей кидать мяч посреди дороги, ведь их собственное детство прошло на тесных улицах больших городов. Лина согласилась съездить за город, чтобы улизнуть из дома, иначе мать отправила бы ее относить продукты миссис Винар. Бедная старушка была не в себе с тех пор, как ее сын пропал без вести во Вьетнаме.

На двери спальни висело перешитое свадебное платье кузины Каролины, которое ей самой предстояло надеть через шесть дней. Туфли и фата у Лины уже были. Предстояла почти неделя мучительного ожидания, и потому, когда Фрэнсис предложил посмотреть городок, о котором слышал от ребят на работе, и прогуляться на свежем воздухе, Лина с

радостью согласилась и даже вызвалась захватить ланч. С ланчем они расправились на скамейке напротив публичной библиотеки. Развернули сэндвичи, съели их, выпили весь чай из термоса — за это время в библиотеку зашел лишь один посетитель. К станции подошел поезд, направляющийся на север, из него вышли три человека. На городской площади располагался гастронорм, а рядом магазин «Все по пять центов», возле него стояла детская коляска. Для поездки Фрэнсис одолжил «датсун» у будущего тестя. В магнитоле намертво застряла кассета с четвертым альбомом *Led Zeppelin*, собственность младшего брата Лины — Кароля. Прав у Лины не было, водить она не умела совсем. И не видела надобности учиться.

— Ну как? Что скажешь? — спросил Фрэнсис, когда они катили обратно по шоссе Пэлисейдс.

Лина открыла окно и закурила сигарету.

— Милый городок, — сказала она. — Тихий.

Лина сбросила туфли и положила ноги на приборную панель. На работе дали две недели отпуска — одну до свадьбы и одну после, — и сегодня, в субботу, для нее начался самый долгий отдых за последние три года.

— Ты видела поезд? У них еще ходит автобус до Мидтауна, — продолжал Фрэнсис.

Сначала Лина не придавала этому значения, но потом ее осенило: он хочет здесь жить. Нет, Фрэнсис ничего такого не говорил. Он сказал, что хочет прокатиться на машине и заодно посмотреть на городок, о котором от кого-то слышал. Отдохнуть от подготовки к свадьбе. Каждый день подъезжали родственники из Италии и Польши, и родительская квартира наполнялась едой и людьми. Из Ирландии не было никого, но какой-то родственник Фрэнсиса, давно перебравшийся в Чикаго, прислал в подарок статуэтку из ирландского фарфора. Фрэнсис сказал, что ему все

равно. Свадьба — это праздник невесты. А между тем он, оказывается, держал в уме план. Правда, план почти из области фантастики, так что она решила тему не затрагивать, если только Фрэнсис сам не заговорит.

Через пару недель, когда свадьбу сыграли, гости разъехались и Лина вернулась на работу с новой фамилией и обручальным кольцом на пальце, Фрэнсис признался, что хочет съехать от ее родителей. Мол, когда сестра Лины Натазя усаживается в крошечной гостиной с учебниками, остальным приходится ходить на цыпочках. Кароль вечно злой — возможно, оттого, что его спальню отдали молодоженам. Одному побыть никакой возможности. И отдохнуть тоже — неловко сидеть сложа руки в чужом доме. Свадебные подарки лежат по углам, и Лина мать постоянно всем твердит, чтобы не побили хрусталь. Лине всегда казалось, что это здорово, когда за обеденный стол садятся полдюжины человек, а если пришли гости, то и больше. И она впервые задумалась: так ли хорошо она знает человека, за которого вышла замуж?

— Но куда же мы съедем? — спросила Лина.

Они искали на Стейтен-Айленде. Искали в Бей-Ридже. Исходили Йорквилл, Морнингсайт-Хайтс, Вилледж. Заходили в дома, заставленные чужими вещами, где на полочках стояли фотографии незнакомых людей в рамочках и искусственные цветы. И с каждым таким осмотром Лина чувствовала, что Гиллам неуклонно приближается, как неизбежный съезд на автостраде. Подаренных на свадьбу денег и зарплаты их обоих должно было хватить на первый взнос.

В январе семьдесят четвертого, субботним утром, отработав ночную смену и несколько часов сверхурочных, Фрэнсис вернулся в квартиру в Бей-Ридже и заявил:

— Одевайся. Я нашел нам дом.

— Я никуда не поеду, — твердо сказала Лина, оставив кофейную чашку.

Анджело Теобальдо сидел напротив нее и разгадывал кроссворд. Гося Теобальдо жарила яичницу. Фрэнсис стоял на пороге, в форме патрульного, высокий, с пылающими щеками.

— Он твой муж, — напомнил Анджело.

Таким тоном он упрекал дочь, когда она разбрасывала на полу игрушки и забывала их убрать.

— Помолчи, — остановила его Гося, проведя пальцем по губам. — Позавтракаем в «Хиншиз», — объявила она, выключив газ под сковородой.

— Мы только посмотрим, Лина. А дальше — как ты сама решишь.

— Ладно, — согласилась она.

Спустя час и двадцать минут Лина прижалась лбом к окошку автомобиля, чтобы получше рассмотреть свой будущий дом. Перед входом располагался яркий плакат с надписью: «Продается». Куст гортензий, которому предстояло расцвести в июне, сейчас напоминал связку обледеневших палок. Хозяева были дома — их «форд» стоял на дорожке, и Фрэнсис не стал глушить мотор.

— Что это? Камни?

На заднем дворе виднелось пять огромных камней. Мать-природа много тысяч лет назад разложила их по размеру. Самый крупный был не меньше пяти футов.

— Валуны, — пояснил Фрэнсис. — Они здесь повсюду. Риелтор говорит, что они обозначают границы между участками. Похоже на Ирландию.

Лина многозначительно поглядела на мужа, словно говоря: «Так вот почему мы здесь!» Он говорил с риелтором.

Он все для себя решил. На этой улице, носившей имя Джефферсона, как и на соседних — Вашингтона, Адамса, Мэдисона и Монро, — дома стояли плотнее, чем в других частях города. Фрэнсис рассказал, что этот квартал старше остальных, его построили еще в двадцатые, когда в Гилламе была кожевенная фабрика и жители по большей части ходили на работу пешком. Он решил, что Лине это понравится. А еще у каждого дома была веранда.

— Но здесь даже не с кем поговорить, — сказала она.

— А как же соседи? — возразил Фрэнсис. — Ты человек легкий, со всеми перезнакомишься, заведешь друзей. И потом, все равно же будешь ездить в город каждый день. С подружками на работе общаться будешь. Автобус останавливается прямо в конце улицы. Тебе даже не придется учиться водить машину, если не хочешь. Я — твой водитель, можешь рассчитывать на меня.

Он не знал, как объяснить жене, что после того, что он видит на работе, ему необходимы деревья и тишина, ему требуется видимая, осязаемая граница между двумя сторонами жизни, мост, который можно перейти, оставив позади прошедший день. В мечтах все было очень просто: вот полицейский Глисон, а вот Фрэнсис Глисон. Полицейский Глисон оставался на одном берегу, а Фрэнсис Глисон переходил на другой. Среди преподавателей в академии встречались ветераны, которые за тридцать с лишним лет службы ни разу не доставали оружия из кобуры, а Фрэнсису всего за полгода применять его пришлось уже несколько раз. Его сержант не так давно пальнул в тридцатилетнего мужчину в тупике у автострады Брукнер, и тот умер на месте. В участке решили, что все было по закону, ведь погибший сам был вооружен и к тому же под наркотой. Сержант ни капли не переживал о случившемся. Фрэнсис пил с ним и

поздравлял его вместе со всеми. Но на следующий день в участок пришли мать убитого и мать его детей. Они сидели в приемной, и никому не было до них дела. У погибшего была мать. Он сам был отцом. Он не родился наркоманом. Отсиживаясь в кухне и всей душой желая, чтобы женщины поскорее убрались ко всем чертям, Фрэнсис представлял, какой была жизнь этого бедолаги до того, как он имел глупость направить на полицейского ствол двадцать второго калибра.

Лине он ничего не рассказывал — говорил только, что работа нравится, дел невпроворот, — но она словно угадала его мысли и согласилась посмотреть дом еще раз. Представила яркие клумбы у крыльца. Можно будет устроить гостевую спальню. А добираться до Манхэттена на автобусе и вправду быстрее, чем на метро из Бей-Риджа.

В апреле семьдесят четвертого, через несколько недель после того, как Глисоны наняли грузовик с брезентовым тентом и переехали в Гиллам, врач из маленькой клиники около кинотеатра осмотрел Лину и сообщил, что она на втором месяце и бегать за автобусом ей осталось недолго. Теперь ее работа — есть за двоих, думать о приятных вещах и меньше времени проводить на ногах. Она рассказала обо всем мужу, когда они бродили вокруг дома, прикидывая, где посадить помидоры. Фрэнсис остолбенел.

— Ты же понимаешь, как это получилось? — осведомилась Лина, стараясь сохранять серьезный вид.

— Тебе нужно сесть.

Уронив помидорный куст, Фрэнсис обхватил жену за плечи и увлек на террасу. От прошлых хозяев там осталась пара ржавых садовых кованых кресел, и он обрадовался, что

не выбросил их. Фрэнсис усадил Лину в кресло, уселся напротив, вскочил на ноги, снова сел и снова вскочил.

— Мне что же, сидеть тут до ноября? — спросила Лина.

Она ушла в отпуск на двадцать пятой неделе — надоело слушать мамины страшилки о том, что беременную могут выпихнуть из автобуса или задавить в толпе на вокзале. В тот день, когда Лина в последний раз накрыла чехлом свою пишущую машинку, девчонки устроили ей прощальную вечеринку в конторском буфете и заставили нацепить детский чепчик, украшенный ленточками от подарочных коробок.

Никогда в жизни у Лины не было столько свободного времени. Едва она успела познакомиться с пожилой парой, жившей по соседству, как старушка умерла от рака мочевого пузыря, а ее мужа спустя две недели унес обширный инсульт. Опустевший дом стоял как ни в чем не бывало, будто ему забыли сообщить о смерти хозяев. На почтовом ящике по-прежнему позвякивали китайские колокольчики. На крышке мусорного бака лежали садовые перчатки, словно кто-то мог вернуться за ними с минуты на минуту. Постепенно лужайка перед домом заросла. На подъездной дорожке выросла гора разбухших от дождя и выцветших на солнце газет. Никто не собирался их убирать, и Лина в конце концов сделала это сама. Пару раз риелтор привозил покупателей, но никто из них не возвращался. Иногда Лине случалось за весь день не произнести ни слова и — если не включать телевизор — ни разу не услышать человеческого голоса.

Натали Глисон родилась в ноябре тысяча девятьсот семьдесят четвертого года, через месяц после первой годовщины свадьбы своих родителей. Мать Лины пожила с ними

неделю — дольше никак не могла, ведь без нее Анджело себе и чая заварить не мог. Гося обещала помогать дочери, но с утра до вечера только сидела, склонившись над колыбелькой и на все лады повторяла: «Привет, маленькая! Я твоя бабуся».

— Гуляй с ребенком каждый день не меньше часа, не важно, какая погода, — наставляла Гося свою дочь, пока Натали спала в коляске, закутанная в шерстяное одеяльце. — Ходи по улицам, деревьями любуйся, тротуарам ровным радуйся, с соседями здоровайся и думай о том, как тебе повезло. И как девочке твоей повезло. У такой крошки уже целый шкаф одежды. Фрэнсис — замечательный муж. Повторяй это себе снова и снова. Заходи в магазины. Знакомься с людьми, расскажи им, что недавно сюда переехала. Малышей все любят.

Лина заплакала. Ей захотелось схватить дочку на руки, бросить коляску посреди тротуара, вскочить вслед за матерью в автобус и никогда не возвращаться в Гиллам.

— Когда ты была грудная, я мечтала бросить тебя у миссис Шеффлин. Ты же помнишь миссис Шеффлин? Думала попросить ее посидеть с тобой, пока я схожу за молоком, и сбежать навсегда.

— Серьезно?!

Слезы у Лины мгновенно высохли. От изумления она расхохоталась — и хохотала так, что вскоре они вновь потекли по щекам.

В пятницу, накануне Дня памяти тысяча девятьсот семьдесят пятого года, когда Лина кормила дочку, сидя в кресле-качалке на втором этаже, к соседнему дому подъехал грузовик. Незадолго до этого Лина узнала, что снова беременна. Доктор пошутил, что ирландскому муженьку почти удалось

заделать ей ирландских близнецов¹. Пару недель назад с лужайки убрали плакат с надписью: «Продается». Фрэнсис вроде бы говорил, что дом купили, но Лина плохо себя чувствовала и мало что запомнила.

Лина сбежала по ступенькам, прижимая к себе Натали.

— Привет! — крикнула она новым соседям.

Рассказывая мужу об этой встрече, она призналась, что ужасно боялась сморозить глупость и произвести дурное впечатление. Дочка сосала свой крошечный кулачок. Должно быть, не наелась.

Навстречу Лине шла блондинка в нарядном летнем платье. В обеих руках она держала по лампе.

— Так это вы купили дом! — От волнения ее голос звучал слишком высоко. — Меня зовут Лина. Мы переехали в прошлом году. Добро пожаловать! Вам помочь чем-нибудь?

— Я Энн, — произнесла новая соседка с едва уловимым ирландским акцентом. — А это Брайан, мой муж. — Она вежливо улыбнулась. — Сколько вашей малышке?

— Шесть месяцев, — ответила Лина.

Наконец-то, в первый по-настоящему теплый день в году в округе появился хоть кто-то, кто умилился ее дочке и дал Натали подержаться за свой палец. В голове у Лины вертелись тысячи вопросов. Где они жили до этого? Давно ли женаты? Почему решили перебраться в Гиллам? Как познакомились? Какая музыка им нравится? Из какой части Ирландии родом Энн? Не хотят ли они зайти выпить по стаканчику, когда распакуют вещи?

Энн красавица, отметила Лина, но было в ней еще что-то, кроме красоты. Однажды, отказав Лине в повышении, босс, мистер Иден, сказал: к ее работе нет никаких

¹ Ирландскими близнецами называют погодков.

претензий, но другая претендентка умеет себя подать, а это важно для работы с клиентами. Лина не поняла, что он имеет в виду, но дурочкой показаться не хотела и покорно вернулась за пишущую машинку. Возможно, дело было в ее произношении — слишком бруклинском. Или в привычке поправлять прическу прямо за рабочим столом. А как-то раз у нее между задними зубами застряло волокно сельдерея, так что вытолкнуть его языком никак не получалось, и пришлось сунуть палец в рот и выковырять волоконце ногтем. Глядя на новую соседку, Лина подумала, что вот она себя подать умеет, и такому, наверное, не научишься — с этим надо родиться.

Энн покосилась на мужа, положила ладонь на живот и сообщила, понизив голос:

— Скоро у вашей дочурки будет компания.

— Здорово! — воскликнула Лина.

Брайан Стенхоуп, который еще не успел поздороваться, как раз пересекал лужайку. Услышав слова жены, он неожиданно развернулся и пошел обратно к грузовику. Лина спросила у Энн, не устала ли она с дороги, не кружится ли у нее голова. Если и кружится, ничего страшного. У беременных бывает. Надо немного полежать, и все пройдет. И неплохо захватить в постель печенье. Вот ее, к примеру, всегда тошнило, стоило только пропустить обед. Энн кивала, но, похоже, особо в советы не вслушивалась — не хотела обсуждать такое при муже. Тут Лина вспомнила, что и сама во время первой беременности не любила, когда ее поучали. Есть вещи, которым женщина учится только сама.

Брайан наконец подошел к ним.

— Мы с Фрэнсисом работаем вместе, — сказал он. — Точнее, раньше работали. В сорок первом участке.

— Правда? — удивилась Лина. — Вот так совпадение!

— Не то чтобы совпадение, — усмехнулся Брайан. — Это ваш муж рассказал мне, что здесь продается дом. Он вам не говорил?

Вечером, когда Фрэнсис вернулся домой, Лина спросила, почему он молчал о новых соседях. Ведь можно было устроить торжественный прием, приготовить что-нибудь вкусное.

— Но я же говорил, — удивился Фрэнсис.

— Ты сказал, что дом продан, но не говорил, что его купил твой друг.

— Какой еще друг? — не понял Фрэнсис.

— Вы же работаете вместе. И обедать вместе ходите. В академии вместе учились и одно время были напарниками. Кто же он тебе, если не друг? — сказала Лина.

— Прости, — кивнул Фрэнсис. — Я совсем забыл. Брайан недавно перевелся. Мы почти месяц не виделись.

Он обнял Лину.

— А как тебе его жена? Они потеряли ребенка — я тебе не говорил? Кажется, он родился мертвым. Года два назад.

Лина ахнула, подумав о живой, теплой Натали, которая сладко сопит в своей кроватке наверху.

— Какой ужас!

Надо же, она болтала о беременности, да еще и раздавала советы. А Энн слушала и молчала.

Лина присматривалась к соседке, стараясь понять, растет ли ее живот, но по будням Энн носила мешковатую форму медсестры, а по выходным облачалась в широкие блузки в деревенском стиле и такие длинные юбки, что они чуть не мели подолом по земле. Глядя, как Энн выходит из дома с ключами от машины в руках, Лина поневоле

завидовала чужой свободе. Иногда она нарочно выходила забрать почту, когда видела на улице соседку, но Энн только махала ей рукой и спешила к себе. Пару раз, заметив ее машину на дорожке перед домом, Лина стучала в дверь, но никто так и не открыл. Однажды она бросила в соседский почтовый ящик открытку с приглашением прийти на обед в субботу — в любую субботу, когда им будет удобнее, — но ответа так и не последовало.

Фрэнсис предположил, что открытку Стенхоупы не получили. Ее мог забрать почтальон.

— Ты не мог бы спросить у Брайана? — попросила Лина.

— Послушай, — сказал Фрэнсис, — забудь ты об этом. Не все хотят общаться. Лично я прекрасно без них обойдусь.

— Я тоже, — ответила Лина, взяла Натали на руки, поднялась в спальню и села на кровать.

Лето пролетело. Как-то в субботу, когда Брайан с граблями в руках прибирал свой участок, Лина увидела, что ее муж болтает с ним, стоя на полоске травы между подъездными дорожками. От хохота Фрэнсис сгибался пополам. Уже родилась Сара, славная, здоровая девочка, и Лина совсем потеряла покой, ведь Натали только-только начала ходить и норовила забраться на лестницу. С тех пор как в соседнем доме поселились Стенхоупы, прошло больше девяти месяцев, и, когда бы они ни зачали ребенка, тот уже должен был появиться на свет. Однако никаких признаков беды Лина у соседей не замечала. Как-то раз она вернулась из магазина, и, пока дочери ревели на заднем сиденье, прикидывала, как подступиться к дюжине пакетов в багажнике, и вдруг, подняв глаза, увидела, что с веранды на нее пристально смотрит Энн. Лина получила права, но водила не